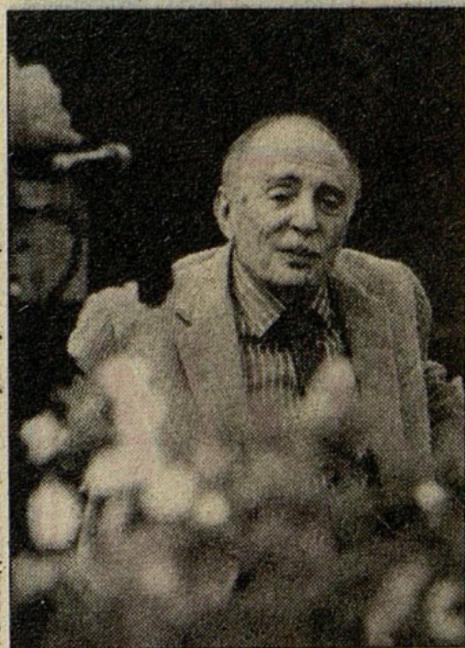

Простите, если что не так

Не минуло бы сорок дней, если бы кинодраматург Эмиль Брагинский в седьмой раз прошел сквозь смерть...

Юрий
ПОЛЕНОВ-КОРШАК

Все его творчество было подобно стреле, летящей из его лука поразить одиночество в человеке.

Эмиль Брагинский

У Эдуардо Де Филиппо в его пьесе «Ложь на длинных ногах» звучит под финал концептуальный монолог главного героя, прозревающего путь своей жизни, Либерио Инкорonato, в котором драматург персонафицирует и одушевляет человеческие добродетели: «Сеньора Порядочность и сеньор Достоинство во время войны погибли под бомбежкой... А кто же осёл? Это твоя гордость, твоя честь и почти все твои права».

Эмиль Брагинский мистически напоминал Эдуардо Де Филиппо даже внешне. А Ирма Ефремовна Брагинская, жена и хранительница их духовного очага, говорила мне, что есть даже их общая фотография, когда Де Филиппо приезжал в Россию по своим театральным делам. Но главное, что наследовал следующий за Де Филиппо волною драматург — веру в добро и правду на коротеньких ножках, которая побеждает ложь на длинных ногах.

Когда в 1974 году они воплотили с Рязановым в фейерверк жизни безумный, безумный, безумный мир «Невероятных приключений итальянцев в России», его ударил по сердцу первый инфаркт, след-

ствием которого стала аневризма сосудов, шесть раз проносившая его по тоннелям клинической смерти. В седьмом тоннеле он увидел свет Вечности...

Чета Брагинских отправилась в свое последнее путешествие 12 мая, на две недели, в Бельгию и Париж.

Они остановились в Брюсселе. Выезжали в Антверпен, Брюгге, Гент. Последние три дня они провели в Париже.

Это была третья встреча Брагинского с городом, который Хемингуэй назвал Праздником и подарил ему неувядаемый комплимент, что, если вы молоды и в Париже, то что бы ни случилось потом в вашей жизни...

Их молодость миновала этот праздник по независящим от них обстоятельствам, но предыдущее свидание с Парижем Эмиля Вениаминовича произошло лет пять назад, может четыре... и имело форму рабочей поездки. Он писал сценарий французским документалистам, собиравшимся снимать «Трамваем по Москве» — так я услышал имя неведомой темы, которое, впрочем, никогда не было в употреблении, потому что картина в итоге не была у нас куплена.

— Были ли у вас счастливые мгновения в вашем последнем путешествии в Париж? — спросил я Ирму Ефремовну, забывая, что тревожу своим вопросом вдову, только потерявшую мужа.

— В нашем-то возрасте, — вздохнула она, — что вы говорите... Врач, лечивший его, сказал мне на кладбище, что ему каждый день был подарок. Но все было прекрасно.

На вопрос «остались ли у вас фотографии с этой поездки» последовал тот же унылый ответ. «Но все было прекрасно!»

— Я вас понимаю...

— Вы меня никогда не поймете.

«Для меня это все, как жизнь на Луне», — вспомнил я вокзальную официантку Веру из «Вокзала для двоих». — «Была она не так, чтоб уж очень... но дело было проездом...». И еще вот это щемящее, что вольно гуляет у нас по Руси из уст в уста: «Ну простите, если что не так...».

А потом вдруг прорезался Платон Сергеевич, пианист: «Возвращались мы с женой с Шереметьевского аэродрома...»

Везерная Москва, -1998, -4 июля, с. 7